

Пробуждение

В тот момент, когда Линь Хэн снова включил бегущую строку, он ожидал увидеть бесконечную череду разноцветных признаний в любви, но на этот раз чат выглядел куда более осмысленно.

Впрочем, стоило мужчине пробежать глазами по сообщениям, как он понял, что понимает происходящее ещё меньше прежнего.

«??? Что творится? Солнце взошло на западе, или наш блудный сын решил покаяться?»

«Я, честно говоря, не пойму: то ли это очередной хитрый план Дуань-сволочи, то ли он и впрямь решил встать на путь истинный!»

«Победил? Он реально победил, ха-ха-ха! Да плевать на мотивы, главное, что Нин-бао не пострадал!»

«Ха-ха-ха, посмотрите на лицо Си Ча! Какое упоительное зрелище!»

«Если честно, Си Цинхао ведь из богатой семьи, с детства в искусстве... Откуда в нём столько мелочности?»

«Ну, Дуань Хао тоже наследник, а вон как качественно шельмует».

Линь Хэн смотрел на эти странные сочетания слов. Каждый иероглиф был ему знаком, но смысл ускользал. Однако это не помешало ему сосредоточиться на главном: в объективе камер снова появился Нин Чанцин.

Режиссёр тоже ожидал от Дуань Хао очередной выходки. Когда тот во второй раз так натурально растянулся на снегу, у него сердце ушло в пятки.

«Ну всё, — подумал он, — опять нас проклянут в сети»

Но в следующую секунду Дуань Хао — тот самый человек, который всегда смотрел в рот Си Цинхао и плевал на чувства окружающих, — вдруг вскочил и рванул вперёд с таким азартом, будто от этого зависела его жизнь.

И в итоге — победил.

Благодаря тому, что второй молодой господин Дуань первым пересек финишную черту в четвертом раунде, команда Нин Чанцина одержала общую победу в туре. С учётом предыдущих очков, они выиграли пятый этап с преимуществом в два балла.

Линь Шицзэ, финишировавший следом, подошёл к учителю Нину. Когда камера на мгновение отъехала, он обменялся с ним красноречивым взглядом.

«Что это он устроил?» — читалось в глазах племянника Линь Хэна.

Чанцин лишь молча наблюдал за сценой, на его лице не отразилось ни тени удивления. Без магической поддержки амулета Си Ча стал для напарника лишь досадной помехой, очередной игрушкой, которая больше не вызывала трепета. К такому человеку и отношение соответствующее — никакой пощады.

Си Цинхао финишировал с отставанием в полминуты. Едва остановившись, он вперил яростный взгляд в Дуань Хао, который как раз поправлял защитные очки. Си не снимал свои — он боялся, что зрители увидят бушующую в его глазах ненависть.

Юноша был в ярости. Он был уверен в своей победе.

То, как Дуань Хао упал на середине пути, выглядело слишком правдоподобно. Даже если бы его потом ругали, это не было бы так критично, как в первый раз. Младший Си уже всё распланировал: он добьётся ухода Чанцина, и эта победа станет последним, что запомнят зрители.

Но его прихвостень всё испортил. В один миг.

О чём он только думал?!

Дуань Хао, почувствовав на себе тяжелый взор, лишь равнодушно опустил веки. Он опирался на лыжные палки, чуть ссутулившись; засохшая кровь под носом придавала ему какой-то неприкаянный, почти жалкий вид.

«Боже... Я, наверное, сошла с ума, но мне стало жалко Дуань-сволочь. Он что, реально так сильно ударился? Или первое падение вышибло из него всю дурь, раз он не поддался Си Ча?»

«Подруга, приди в себя! Это же Дуань Хао! Тот самый, который ради любовника столько раз подставлял нашего Нин-бао! Какой бы жалостливой ни была его маска, внутри он всё тот же подонок»

«Вы забыли, что он творил раньше? Наверняка замышляет новую пакость! Сердце кровью обливается за Чанцина — иметь такого бывшего!»

«А-а-а-а, Дуань-сволочь смотрит на Нин-бао! Он идёт к нему! Что он задумал?! Руки прочь от учителя Нина!»

Линь Хэн нахмурился, вчитываясь в мелькающие сообщения. Наконец, вычленив ключевые слова, он увидел, как парень с разбитым носом направился к... Нин Чанцину.

«Дуань-сволочь? Бывший? Любовник? Нин-бао... Это они так называют Нин Чанцина?»

Глава семьи Линь прищурился. На экране крупным планом показали героя и человека рядом с ним, который не снимал шлема. Лицо казалось смутно знакомым. Когда тот наконец снял экипировку и встряхнул волосами, Линь Хэн узнал племянника.

Линь Шицзэ.

Шицзэ, увидев приближающегося конкурента, нахмурился и сделал шаг вперёд, заслоня собой Чанцина. Этот второй молодой господин Дуань вызывал лишь раздражение. Неужели он, не сумев помочь Си Цинхао, решил теперь сорвать злость на учителе Нине?

Дуань Хао остановился в паре шагов. Он не стал подходить ближе, а лишь вдруг улыбнулся Нин Чанцину. Его взгляд, обычно надменный, теперь казался кротким и даже немного виноватым — образ, способный обмануть любого.

— Учитель Нин, как замечательно, — негромко произнес он. — На этот раз я не подвёл. Мы победили.

«??? Отойди от нашего Нин-бао! С каких это пор вы „мы“?!»

«Он окончательно слетел с катушек?»

«Решил сменить тактику и зайти с тыла?»

Нин Чанцин мельком взглянул на протянутую руку Дуань Хао и равнодушно отвернулся к подошедшему режиссёру.

Тот оглядел участников и с явным облегчением выдохнул:

— На этом съёмки пятого тура официально завершены! Команда учителя Нина и господина Дуаня занимает первое место. А теперь перейдём к наградам. Каждый участник победившей группы получает по пять баллов в общий зачёт...

«Что за дела? Раньше же по десять давали! Почему в два раза меньше? Это несправедливо!»

«Вот именно! Разве Чанцину победа легко далась? Спереди — Си Ча, сзади — такой напарник!»

«Пять баллов — это курам на смех. Хотя наш бао и лидирует, лишних очков не бывает...»

Кто знает, что ждёт их в последних двух турах? Вдруг Си Цинхао и Дуань Хао снова объединятся?

Режиссёр понимал, что награда кажется скудной, но разрыв в баллах стал критическим. У Нин Чанцина вместе с сегодняшними очками было уже тридцать баллов, а у Линь Шицзэ, который унаследовал очки Янь Юньмина — всего три. Чтобы хоть как-то сохранить интригу, пришлось урезать премию.

— ...Но это лишь первая часть, — продолжил режиссёр. — Вторая награда такова: победители могут предъявить по одному требованию любому из четырёх проигравших участников. Если просьба не выходит за рамки разумного, она должна быть исполнена.

Это был его способ задобрить зрителей. Мужчина здраво рассудил: Нин Чанцин — человек благородный и не станет требовать невозможного. Такая награда и интерес подогреет, и баланс сил не нарушит.

Он повернулся к остальным:

— Коллеги, что скажете?

Линь Шицзэ, Цзи Юйцзин и Сун Тин не возражали. Си Цинхао нахмурился, опасаясь, что Чанцин решит отыгаться на нём, но, вспомнив про камеры, решил, что тот не рискнёт портить репутацию. К тому же, раз все согласились, его отказ выглядел бы мелочно.

«Ого, режиссёр — хитрый лис! Хочу, чтобы Чанцин заставил Си Ча пробежать десять кругов по снегу голышом!»

«Давайте без крайностей, а то шоу прикроют за nepотребство!»

Чат оживился, предвкушая момент истины. Но Нин Чанцин даже не посмотрел в сторону Си Цинхао. Когда режиссёр предоставил ему слово, он обратился к Сун Тину:

— Учитель Сун, вы ведь не против, если моё требование коснётся вас?

Собеседник удивился, но мягко кивнул:

— Конечно, Нин Чанцин. Слушаю тебя.

Их взаимные улыбки были настолько искренними и теплыми, что зрители невольно залюбовались. Вот таких отношений они и ждали от шоу.

— Я давно мечтал услышать вашу легендарную песню вживую, — произнес Чанцин. — Подарите ли вы нам эту радость сегодня?

Сун Тин замер. Он мгновенно понял: юноша дарит ему драгоценное экранное время. Песня, сделавшая его знаменитым много лет назад, исполненная на пике популярности этого шоу, могла вернуть ему былое внимание публики.

Певец с благодарностью принял этот дар. Его голос, чистый и глубокий, разнёсся над склоном без всякого аккомпанемента. Это было божественно. Соцсети тут же взорвались восторгами, а исполнитель мгновенно взлетел в топ запросов.

Никто не ожидал, что Нин Чанцин выберет Сун Тина вместо того, чтобы унижить Си Цинхао. Хотя неприязнь последнего была очевидна, благородство победителя поразило всех.

Но раз он проявил великодушие, зрители надеялись, что Дуань Хао уж точно не упустит шанса.

«Наш бао — человек широкой души!»

«Если собака тебя укусила, не стоит кусать её в ответ, верно?»

«Эх, на что там смотреть у Дуань-сволочи? Промотайте его часть!»

Режиссёр думал так же, но процедуру нужно было соблюсти.

— Господин Дуань, — кашлянул он, — к кому обращено ваше требование?

Взгляд Дуань Хао скользнул по оставшимся троим и замер на Си Цинхао.

— Я выбираю учителя Си.

Все присутствующие замерли в изумлении. Даже сам Си не ожидал такого поворота. Что он задумал?

«Ой-ой-ой, неужели он сейчас потребует поцелуй или объятия? Решил воспользоваться моментом, раз любовь не взаимна?»

«Фу, типичное поведение сталкера»

«Ха-ха-ха, как же приятно видеть Дуань-сволочь в роли брошенного пса!»

Си Цинхао внутренне расслабился. Он был уверен, что Дуань Хао не посмеет выставить его в дурном свете.

— Господин Дуань, я слушаю.

Напарник Нин Чанцина долго смотрел ему прямо в глаза, а затем, на глазах у миллионов зрителей, произнес:

— Подойди к учителю Нину, поклонись и скажи: «Прости меня».

В тишине, наступившей после этих слов, казалось, было слышно, как падает снег. Все участники и персонал замерли с открытыми ртами. Чат в прямом эфире просто перестал двигаться на несколько секунд.

«??? ЧТО?! Что он сказал?! Я сплю или он бредит?»

«Мы все, кажется, коллективно сошли с ума...»

«Даже если мир перевернётся, Дуань Хао не должен был заставлять своего драгоценного Си Ча извиняться перед Чанцином!»

«Боже мой! Это что — погоня за мужем в крематорий? Дуань-сволочь вдруг прозрел и понял, что Нин-бао лучше всех?»

«Стойте... Если он требует извинений, значит... Си Цинхао действительно сделал что-то ужасное?!»

«Это официальное признание вины?»

Си Цинхао вскинул голову, не веря своим ушам. Он смотрел на Дуань Хао, надеясь, что это какая-то глупая шутка.

— Господин Дуань, ты хоть понимаешь, что несёшь?

Но, встретившись с холодным, абсолютно безэмоциональным взглядом, юноша почувствовал, как внутри всё похолодело. Дуань Хао стоял на фоне бескрайних льдов, и в его глазах не осталось ни капли былой страсти. Только ледяная пустота и едва скрываемое отвращение.

В голове наследника семьи Си что-то оборвалось. Его охватила паника. Нет, этого не может

быть! Столько лет он носил этот амулет, Дуань Хао был его тенью, его верным рабом. Что пошло не так?

Артефакт сломался? Нет... Не может быть...

А что же старший брат Си? А родители? Неужели и их слепая любовь испарится без следа? Си Цинхао боялся даже представить себе такую картину.

Дуань Хао небрежно засунул руку в карман и процедил:

— Что, учитель Си, в таком юном возрасте уже проблемы со слухом? Я сказал: извинись перед учителем Нином. С поклоном.

— Ты с ума сошёл? — прошипел тот, бледнея.

Как он мог извиняться перед этим человеком на глазах у всей страны? Какая причина?

Режиссёр и группа пребывали в шоке.

«Что за безумный поворот? Дуань Хао решил окончательно сжечь мосты? Он же ещё два дня назад клялся в вечной любви!»

«А-а-а-а, как же я горю! Это просто огонь! Ещё, ещё больше драмы!»

«Лицо Си Ча просто бесценно! Наконец-то его пёс сорвался с цепи и укусил хозяина?»

Операторы, почуяв сенсацию, навели все камеры на лицо Си Цинхао, транслируя каждое его мимолетное выражение на миллионы экранов. Это было триумфальное зрелище.

Дуань Хао, стоя вполоборота к камерам, беззвучно прошептал одними губами, так, чтобы видел только Си Цинхао:

«Прямой эфир Сяньбэй'эр, подтасовка результатов в „Хуаньюй“, подкуп Сунь Яци и Ду Юньфэй... Ты хочешь, чтобы я продолжил?»

Ледяная угроза в его глазах заставила Си Цинхао содрогнуться. В этот миг он окончательно понял: Дуань Хао больше не подвластен его чарам. Магия исчезла.

Он чувствовал, как кожа на голове немеет от ужаса. Юноша боялся, что этот безумец и впрямь выложит всё прямо сейчас. Тогда его репутации конец — каждый из этих фактов мог разрушить его карьеру.

Охваченный паникой из-за неисправности амулета, Си даже не подумал о том, что Дуань Хао сам замешан в этих делах и его разоблачение ударит и по корпорации Дуань. Сейчас им двигал только первобытный страх.

Си Цинхао помолчал мгновение, а затем... действительно поклонился Нин Чанцину.

Но он всё же попытался сохранить лицо:

— Учитель Нин, прими мои извинения. Господин Дуань в своём стремлении помочь мне победить едва не подставил тебя. Хотя я и не знал о его намерениях, всё произошло из-за меня, и я искренне сожалею об этом.

Нин Чанцин смотрел на него сверху вниз, видя в глубине опущенных глаз лишь жгучую обиду и унижение. Он лениво кивнул. Но это было только начало. Си Цинхао ещё предстояло узнать, насколько глубока эта кроличья нора.

«Боже мой! Он реально извинился! Кто в здравом уме поверит в эти басни про неосведомленность? У Дуань-сволочи явно есть на него мощный компромат!»

«Жду не дождусь, когда Дуань Хао вывалит всё грязное бельё в сеть! Вот это будет шоу!»

Режиссёр и съёмочная группа застыли в оцепенении, понимая, что сегодняшний эфир побьёт все рекорды.

Дуань Хао, добившись своего, больше не удостоил Си Цинхао даже взглядом. Он повернулся к Нин Чанцину:

— Насчёт ужина и моих извинений...

Режиссёр, почуяв неладное, быстро вмешался:

— Думаю, нам пора закругляться! Скоро рейс в город Си, нужно успеть в аэропорт. А вопросы с ужином обсудите уже на месте.

Он боялся, что если трансляция продолжится, Дуань Хао может ляпнуть что-то про махинации с жеребьёвкой, и тогда шоу наступит конец. Хотя они и исправились, прошлое было не самым чистым.

Эфир закончился, но волна обсуждений только нарастала. Зрители, как заведенные, анализировали поведение Дуань Хао и этот странный любовный четырехугольник.

После съёмок Нин Чанцин и остальные отправились переодеваться. Си Цинхао следовал за бывшим возлюбленным по пятам — он жаждал объяснений.

В раздевалке, дождавшись, пока все уйдут, он запер дверь и сорвался на крик:

— Дуань Хао! Ты совсем обезумел?!

Даже если он и придумал оправдание, кто в него поверит? Это было просто жалко.

Дуань Хао усмехнулся, глядя на собеседника как на мусор.

— Обезумел? Возможно. Я и сам не понимаю, какой бес в меня вселился, что я столько лет бегал за тобой, точно цепной пёс. Приятно было чувствовать свою власть, а? Если бы я не знал, что магии не существует, я бы решил, что ты меня опоил чем-то. Как я мог предпочесть тебя Нин Чанцину? Ты же и мизинца его не стоишь.

Си Цинхао затрясся от ярости — он давно не слышал в свой адрес подобных слов. Но страх в его душе был сильнее гнева.

— Ч-что ты такое несешь...

Дуань Хао, не желая продолжать разговор, попытался пройти мимо. Он вдруг осознал, что учитель Нин — единственный, кто его по-настоящему привлекает. Это лицо было воплощением его идеала, а каждая встреча вызывала в сердце странный трепет, заставляя желать бросить весь мир к его ногам.

Си Цинхао преградил ему путь. Он должен был узнать, как тот «прозрел». Его мучил вопрос об амулете, но он не смел спросить прямо. По привычке он схватил Дуань Хао за руку:

— Стой! Не уходи!

Он сказал это повелительным тоном — так, как привык разговаривать с ним всегда. Как бы плохо он ни обращался с Дуанем, тот всегда оставался терпеливым и нежным, точно у него не было гордости.

Но юноша забыл, каким был Дуань Хао до их знакомства. А Дуань Хао, лишившись оков магической привязанности, вернул свой истинный характер.

Когда Си Цинхао попытался удержать его, терпение второго молодого господина Дуань

лопнуло. Он резко прижал того к стене, навис над ним, опалая лицо ледяным дыханием. Свободной рукой он небрежно поправил воротник и процедил с нескрываемым отвращением:

— Не. Смей. Меня. Бесить.

Встретившись с его полным ужаса взглядом, он добавил с издевкой:

— Или ты передумал? Решил, что раз я столько лет был твоим рабом, то теперь пришла пора наградить меня?

Тот отшатнулся, пораженный его бесстыдством:

— Мечтать не вредно! Только попробуй тронуть меня — мой брат Си тебя из-под земли достанет!

Дуань Хао лишь усмехнулся — он просто хотел напугать этого мальчишку. Он выпрямился, брезгливо вытер руку об одежду Си Цинхао и напоследок погрозил ему пальцем. Уже уходя, он вдруг вспомнил о чём-то, выудил из кармана разбитую подвеску и швырнул её прямо в лицо бывшему возлюбленному.

— Это ведь твоё? Забери этот дешёвый хлам. Насквозь фальшивая вещь — прямо как ты!

Он вышел, не оборачиваясь, оставив Си Цинхао в ужасе прижимать к груди обломки амулета. Юноша дрожал всем телом.

Амулет... действительно разбился? Но как? Как это возможно?! Магический дар, данный ему свыше, просто перестал существовать? Столько лет всё было идеально... Неужели у него был срок годности?

А что же брат? А родители?

Си Цинхао, не помня себя, дрожащими руками набрал номер старшего брата Си. Тот ответил почти мгновенно:

— Сяо Хао?

Услышав привычно мягкий голос, юноша немного успокоился.

— Брат...

— Что случилось? Тебя кто-то обидел? — в голосе Си Жую слышалась искренняя тревога.

Си Цинхао сжал в кулаке осколки амулета Дуань Хао. Он не смел упомянуть Нин Чанцина — он слишком боялся. Он не мог потерять то, что имел, и не мог допустить встречи Чанцина с семьёй Си. Даже если шанс на разоблачение был один на миллион, он должен был устранить угрозу. Любой ценой.

— Брат, всё хорошо... — Сяо Хао быстро взял себя в руки. — Просто... я соскучился. Помнишь подвеску, которую я тебе подарил? С ней всё в порядке?

Старший брат коснулся груди:

— Да, конечно. А что?

Юноша быстро перевел тему и вскоре повесил трубку. Президент Си в недоумении посмотрел на телефон. Закончив дела в кабинете, он спустился вниз и встретил мать Си, вернувшуюся из магазина.

— Посмотри, что я купила для тебя и Сяо Хао! — она махнула ему рукой. — Отвезешь ему в город Си при случае. Кстати, он разве не собирался приехать на выходные? Съёмки ещё не закончились?

Си Жуй обнял мать за плечи:

— Пусть горничная разберет вещи. На выходные он не приедет — съёмки затянулись до вечера понедельника.

— Вот как... — расстроилась Линь Юнь. — Бедный мой мальчик. Дома ведь всё есть, а он подался в артисты... Тяжело ему. Давно я его не видела.

Старший брат, вспомнив странный звонок, кивнул:

— Он как раз звонил, говорил, что соскучился. Если ему там станет слишком тяжело, пусть возвращается в компанию.

— Уже неделю его нет... — вздохнула мать Си. — Вы вечно заняты...

— Знаешь что, мама? Завтра я еду в город Си на аукцион. Хочешь со мной? Заодно навестим младшего брата.

Она с радостью согласилась:

— Только не говори ему! Сделаем сюрприз.

Тем временем Линь Шицзэ переоделся и ждал Нин Чанцина, чтобы пригласить его на ужин. Съёмки закончились рано, и если вылететь сейчас, они как раз успеют к вечеру.

Но стоило ему занять позицию, как зазвонил телефон. Шицзэ думал, что это агент, но, увидев имя на экране, остолбенел. Он выпрямился, откашлялся и, отойдя в тихий угол, ответил:

— Дядя...

Дядя Линь звонил ему крайне редко.

— Угу, — раздался в трубке ровный, бесстрастный голос.

Шицзэ вспомнил про тот казус с вопросом в прямом эфире и поспешил объясниться:

— Дядя, то, что было раньше... это просто задание в шоу! Наказание такое. Тот вопрос — это не моё самомнение, честное слово!

— Угу. — Линь Хэн помолчал. — Я смотрел твой эфир.

Племянник замер. Глава семьи — и вдруг реалити-шоу? Мир точно перевернулся.

Придя в себя, Линь Шицзэ заволновался: вдруг он показался дяде легкомысленным?

— И... как я тебе?

— Я читал комментарии, — ответил Линь Хэн. — Кое-чего не понял.

Шицзэ воодушевился: наконец-то нашлась область, в которой он разбирался лучше своего гениального родственника!

— Спрашивай о чём угодно, дядя! Я всё объясню!

— Дуань-сволочь, любовник, уум, Си Ча, Нин-бао, Брат Цзэ... Что всё это значит? И что такое погоня за мужем в крематорий?

Собеседник онемел. Неужели Линь Хэна так потянуло на светские сплетни?

Впрочем, решив, что господин Линь просто попал на самый пик драмы, Шицзэ счел своим долгом просветить его. Зная, что их семья сотрудничает с корпорацией Дуань, он опасался, что Дуань Хао может начать давить на Чанцина. А против его дяди любой Дуань — просто пыль.

Следующие десять минут Линь Шицзэ вдохновенно расписывал похождения Дуань Хао: как тот изменял, как клеветал на Нин Чанцина, как в шоу пытался его подставить ради своего фаворита... В конце он резюмировал:

— Похоже, Дуань Хао осознал, что учитель Нин — сокровище. С такой-то внешностью и характером он в сто раз лучше этого Си Цинхао! Но это не к добру. Дуань Хао вложил кучу денег в шоу и может начать давить на учителя Нина...

Он замолчал, ожидая реакции, но в трубке была тишина.

— Дядя? Ты здесь?

— Я понял, — коротко бросил Линь Хэн. — До связи.

И повесил трубку. Линь Шицзэ в недоумении посмотрел на экран: его только что использовали как справочное бюро и выбросили?

Линь Хэн тут же сделал пару звонков своему специальному помощнику. Тот был в полнейшем замешательстве: у босса выходной, с чего бы ему вдруг ополчиться на корпорацию Дуань? И зачем инвестировать в какое-то шоу «Звук и образ»? Оно что, настолько популярно?

Но помощник не смел медлить.

Глава семьи Линь сидел в кабинете, нахмурившись. Того ребёнка, которого он когда-то спас, смеют обижать? Семья Дуань катится в пропасть.

Нин Чанцин достал телефон только в машине по дороге в аэропорт. Он быстро ответил на сообщения и замер, увидев новый запрос в друзья. На аватаре — черный квадрат, имя — один иероглиф: «Линь».

Юноша приподнял бровь: неужели это тот, о ком он подумал? Он нажал «Принять».

Почти сразу пришло сообщение: [Линь: Это Линь Хэн.] [Нин: Приветствую, господин Линь.] [Линь: Приедешь сегодня?] [Нин: Да.] [Линь: Угу.]

Чанцин невольно улыбнулся, читая этот сухой диалог. Он представил, как Линь Хэн с абсолютно серьезным и сосредоточенным лицом медленно выстукивает каждое слово.

Поддавшись внезапному порыву, юноша отправил ему картинку с котиком, тянущим лапку.
[Нин: (Картинка с котиком)]

Ответ пришел не сразу. [Линь: Хорошо.]

Чанцин усмехнулся: что «хорошо»? Но продолжать не стал.

А Линь Хэн долго смотрел на картинку, после чего снова позвонил помощнику. Тот, выслушав поручение, окончательно решил, что босс тронулся умом от плохих новостей.

[Купить плюшевого кота? И привезти немедленно?]

Отдав распоряжение, мужчина переоделся и велел подавать машину.

Когда Нин Чанцин и остальные вернулись в город Си, было уже около шести вечера. Стояла жара. Измотанные целым днём на склоне, участники не хотели никаких банкетов и мечтали только о душах и постелях.

Линь Шицзэ нагнал учителя Нина, а следом притащился Дуань Хао. Последний преградил юноше дорогу:

— Нин Чанцин, давай поужинаем вместе?

— Нет необходимости, — отрезал тот, даже не глядя на него.

Племянник Линь Хэна, поправив очки, демонстративно закатил глаза:

— Господин Дуань, вам не кажется, что вам пора утешить вашего Си Ча?

Дуань Хао холодно усмехнулся:

— Кто он такой, чтобы я его утешал?

— Ого, — собеседник с интересом оглядел его. — А вы, второй молодой господин Дуань, действительно... первостатейная сволочь.

Когда любите — готовы на всё, когда разлюбили — втаптываете в грязь. Тому, кто станет объектом его «любви», можно только посочувствовать. Ведь срок годности этой страсти короток, как зимний день.

Линь Шицзэ, боясь, что Нин Чанцин проявит мягкость, поспешил добавить:

— Учитель Нин, пойдем лучше со мной. От ужина в такой компании может случиться несварение.

Лицо Дуань Хао потемнело, но в присутствии учителя Нина он сдержался:

— Линь Шицзэ, ты хоть понимаешь, что будет, если вас снимут вместе? Ты хочешь навредить Чанцину?

— Если я веду его ужинать, нас никто не снимет, — огрызнулся тот.

Чанцин молча направился к выходу. В этот момент его телефон звякнул. Прочитав сообщение, он удивленно приподнял бровь и ответил на звонок. В трубке раздался голос Линь Хэна:

— Выход А, зона посадки.

Юноша на мгновение замер. Неужели господин Линь приехал сам? С этой мыслью он ускорил шаг, оставив за спиной двух спорщиков, напоминающих школьников на перемене. К тому времени, как Шицзэ и Дуань Хао спохватились, Нин Чанцин уже скрылся из виду.

Они бросились вдогонку и увидели, как он садится в шикарный черный автомобиль. Дуань Хао нахмурился: что за машина? Линь Шицзэ же замер в недоумении — этот лимузин казался ему очень знакомым. Неужели это машина из гаража дяди?

Но юноша уже уехал. Племянник Линь Хэна, не желая больше видеть Дуаня, сел в подоспевшую машину помощника.

В салоне автомобиля Нин Чанцин оказался рядом с Линь Хэном. Перегородка между сиденьями была опущена, создавая уютное, закрытое пространство.

Юноша слышал ровное дыхание спутника и чувствовал необъяснимое спокойствие. Возможно, потому, что в его первой жизни этот человек был единственным, кто не желал ему зла.

— Господин Линь, зачем вы приехали сами? Сегодня же выходной.

— Как раз потому, что выходной, — ответил мужчина.

Он повернул голову к Чанцину. Тот, кого господин Линь видел на экране, и тот, кто сидел рядом, были словно два разных человека. Сейчас собеседник казался более живым, не таким отстраненным.

Линь Хэн достал приготовленную коробку:

— Это тебе.

Чанцин удивился: подарок?

— Какая честь... Могу я открыть?

Ему было искренне любопытно, что может подарить такой человек. Ведь тот не походил на любителя делать сюрпризы, особенно когда лечение ещё не завершено, а сами они виделись лишь второй раз.

Линь Хэн почувствовал себя неловко. Это был его первый подарок человеку не из семьи. К счастью, в сумерках салона не было видно его лица.

— Да.

Чанцин аккуратно вскрыл изящную упаковку. Внутри, вытянувшись во весь рост, лежал пушистый котёнок — точная копия того, что был на картинке.

Юноша замер. Он долго молчал, прежде чем негромко рассмеяться. Он ведь просто хотел подразнить Линь Хэна, а тот, по своей старомодности, решил, что ему и впрямь нужна игрушка. Неужели он до сих пор видит в нём ребёнка?

— Не нравится? — спросил Линь Хэн.

— Нравится, — юноша погладил мягкую лапку игрушки. — Она чудесная. Это первый подарок... игрушка в моей жизни.

В первой жизни у него никогда не было игрушек. Глядя на этого котенка, Нин Чанцин понял, что он ему действительно дорог. Он думал, что ему всё равно, но, оказывается, глубоко внутри рана ещё саднила.

Родители в семье Нин знали, что он чужой, и относились к нему как к прислуге. Он донашивал вещи за Нин Чжэнтао, а об игрушках не мог и мечтать. Он видел, как баловали его «брата», и

втайне надеялся, что если будет очень послушным, то и ему что-нибудь купят. Но он так и умер, не получив ни одного подарка. Один раз он осмелился коснуться игрушки — его не только избили, но и лишили еды на весь день.

С тех пор он больше не смотрел на чужие вещи. Но сейчас... сейчас он понял, что всё ещё этого хотел.

В старом особняке семьи Линь старейшина уже давно ждал их у входа, заставляя дворецкого дежурить на пороге. Увидев машину, он расплылся в улыбке, которая из-за отсутствия привычки выглядела немного странно. Чанцин, видя искреннюю радость в глазах старика, смягчился.

Старейшина Линь настоял на ужине перед процедурой. Он ожидал, что молодежь будет весело болтать, но разочаровался: и юноша, и его сын ели молча. Однако старик заметил, что Линь Хэн съел на одну порцию больше обычного. Видимо, красивая компания и впрямь способствует аппетиту.

Нин Чанцин в сопровождении Линь Хэна вошел в комнату Цзян Чао. В этот раз они были одни. По отработанной схеме мужчина помог обнажить грудь больного. Юноша достал серебряные иглы.

Прошло десять минут. Нин Чанцин начал аккуратно извлекать иглы одну за другой. Закончив, он вдруг замер и посмотрел на лицо киноимператора Цзяна.

В то же мгновение веки человека, который оставался неподвижен три долгих года, дрогнули. А через секунду он медленно открыл глаза.

<http://bllate.org/book/15353/1421992>